

УДК 1(091)
doi:10.35853/vestnik.gu.2026.14-1.16
5.7.2

Феномен «живых машин»: историко-философский аспект

Елена Юрьевна Погорельская

АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия,
schreibigus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9723-465X>

Аннотация. Современная техническая реальность имеет идейные источники в трудах философов XVII–XVIII вв. Логика технически организованной природы, несмотря на кажущуюся наивность представления природы как машины, тем не менее выросла в полномасштабную научно-техническую парадигму. В данном исследовании рассматриваются концепции Р. Декарта, Г. Лейбница, Ж. Ламетри и И. Канта, в которых наиболее емко представлены матричные структуры мысли, создавшие символический образ естественного автомата, а впоследствии организма. Между концепцией естественного автомата и организма существует прямая идейная преемственность, и данное исследование направлено на выявление и демонстрацию этой связи. Из концепции естественного автомата вырастает кибернетический проект XX века, стремящийся создать машины, действующие по принципу организмов, т. е. связанные с внешним миром системой прямых и обратных связей, а также способных саморедктироваться, самообучаться и проявлять способности не только к адаптации, но и к развитию. Концепция механически организованной природы в целом находится в основе биотехнологической деятельности, представленной современными практиками селекции и геной инженерии, подходящей к естественному телу как к конструкции и стремящейся создавать новые природы с предопределенными свойствами.

Ключевые слова: естественный автомат, органическое тело, машина, techné, техника, законы природы, управление временем, кибернетический проект, биотехнологический проект, инженерное дело

Для цитирования: Погорельская Е. Ю. Феномен «живых машин»: историко-философский аспект // Вестник Гуманитарного университета. 2026. Т. 14, № 1. С. 178–186. DOI 10.35853/vestnik.gu.2026.14-1.16.

The Phenomenon of “Living Machines”: Historical and Philosophical Aspects

Elena Yu. Pogorelskaia

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia,
schreibigus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9723-465X>

Abstract. Modern technical reality has its roots in the ideas established by philosophers of the 17th and 18th centuries. The logic of technologically organized nature, despite the apparent naivety of conceptualizing nature as a machine, nevertheless developed into a full-fledged scientific and technological paradigm. This study examines the concepts of R. Descartes, G. Leibniz, J. de La Mettrie, and I. Kant, which most succinctly represent the matrix structures of thought that created the symbolic image of the natural automaton, and subsequently, the organism. There is a direct ideological continuity between the concept of the natural automaton and the organism, and this study aims to identify and demonstrate this connection. The concept of the natural automaton gives rise to the cybernetic project of the 20th century, which seeks to create machines

that operate like organisms – that is, connected to the outside world through a system of direct and feedback loops, capable of self-editing, self-learning, and exhibiting the ability not only to adapt but also to evolve. The concept of a mechanically organized nature as a whole is at the basis of biotechnological activity, represented by modern practices of selection and genetic engineering, which approach the natural body as a structure and strive to create new natures with predetermined properties.

Keywords: natural automaton, organic body, machine, techne, technique, laws of nature, time management, cybernetic project, biotechnological project, engineering

For citation: Pogorelskaia EYu. The Phenomenon of “Living Machines”: Historical and Philosophical Aspects. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2026;14(1):178-186. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2026.14-1.16.

Введение

За четыреста лет, предворяющих сегодняшний день, возникает изобилие новых технических сущностей и отношений, создавших собственным существованием самобытную техническую реальность со специфическими режимными требованиями и принципами действия. Эта реальность имеет исторические корни, заложенные в философских идеях нововременных авторов и осуществленные талантливыми мастерами-практиками. Изучая исторически преходящие философские концепции, можно в который раз убедиться, что сознание определяет бытие, а интеллектуальная интуиция философов не оторвана от мира, а воплощается в успешных экспериментах лабораторных исследователей (впоследствии инженеров).

В XVII веке в европейской философии возникает оригинальная идея живого автомата. Живая природа способна к самообновлению и проявлению целеполагания даже на уровне простейших организмов, поэтому ученые считали, что поведение животного схоже с поведением машины-автомата. Допуск в мировоззрение идеи живого автомата предполагает следующие условия: во-первых, целостность универсума, единство встроенных в него «законов природы», описывающих поведение любых материальных систем – и живых, и неживых; во-вторых, единый количественный (*информационный впоследствии*) подход к материальным вещам и процессам, направленный на измерение разных параметров этих вещей и процессов согласно заранее установленным эталонам/единицам измерения. Когда Декарт, а за ним Гоббс, Спиноза, Лейбниц и другие заявят о том, что живое – это *естественный автомат*, то в этой идее содержится следующее: *неважно, из чего, из какой материи сделан/сотворен предмет/вещь, в материальной части – это машина*. Животное выполняет божественную программу, так же как механический петух на часах Страсбургского собора.

Концепция естественного автомата

Рене Декарт в работе «Страсти души» пишет: «Все действия, которые мы производим без участия нашей воли (как это часто происходит, когда мы дышим, ходим, едим и вообще производим все отправления, общие нам с животными), зависят только от устройства наших членов и направления, которым “духи”, пробуждаемые сердечным теплом, следуют в мозг, нервы и мускулы, подобно тому как ход часов зависит от одной только упругости их пружины и формы колес» [Декарт 1950, с. 601]. В данном рассуждении наглядно показано, что живая материя функционирует так же, как неживая, машинным образом. «Понятие “духи”, точнее, “животные духи”, по-другому могут быть обозначены как “очень легкие частицы крови”» [Там же, с. 597] или «тела, не имеющие никакого другого свойства, кроме того, что они очень малы и движутся очень быстро подобно частицам пламени, вылетающим из огня свечи», – считает Декарт [Там же, с. 597]. Очевидно, что это высказывание о «животных духах» очень напоминает рассуждение об энергии любого порядка. Надо отдать должное Декарту – душу человеческую он вводит в ранг отдельной субстанции, вся сущность которой в мышлении и

которая самодостаточна, т. е. независима от телесного автоматизма, а следовательно, нематериальна и может претендовать на бессмертие.

Создать автоматическую куклу наподобие живых существ стало своеобразным вызовом для инженеров. «Декарт, к примеру, придумал канатоходца, который двигался под воздействием магнитов, говорят также, что Декарт придумал автоматическую женщину... К сожалению, она не сохранилась – ее выбросил во время шторма за борт один набожный капитан корабля, на котором плыл Декарт. Капитан решил, что в куклу вселился сам дьявол», – пишет Д. Вуттон [Вуттон 2018, с. 189].

Лейбниц, как и Декарт, рассматривает живое тело как естественный автомат, особенность которого в том, что в каждой своей части он представляет собой машину, т. е. беспредельно сложно устроенное существо, минимальный элемент которого уводит в бесконечность: «Машины в природе, то есть живые тела, и в своих наималейших частях до бесконечности продолжают быть машинами. В этом и заключается различие между природой и искусством, то есть между искусством божественным и нашим», – пишет Лейбниц в «Монадологии» [Лейбниц 1982, с. 425]. Полагаем, что здесь речь идет об информационной неисчерпаемости материи: если исходить из того, что информация – это прежде всего мера организации материи, то естественные автоматы, согласно концепции Лейбница, организованы совершенным образом, потому что созданы они Великим мастером – Богом. Человек такую совершенную машину (живую машину) создать не может. Причем мир в целом устроен так, что «всякая часть материи выражает весь универсум» [Там же, с. 425], т. е. поддерживается всем корпусом неизменных законов природы или действующих причин. Всякое живое тело имеет душу, т. е. господствующую энтелехию или монаду, которая действует согласно конечным причинам, т. е. целесообразно. Причины конечные/целевые позволяют монадам быть самозамкнутыми, самодостаточными сущностями и не иметь окон, т. е. не подчиняться внешним воздействиям, а следовательно, быть свободными. Лейбниц считает, что источником любой монады/души/духа является Бог: «Все монады, сотворенные или произведенные, составляют Его создания и рождаются, так сказать, из непрерывных излучений Божества, ограниченных воспринимательной способностью твари, ибо для последней существенно быть ограниченной» [Там же, с. 421]. Логично предположить, что творения человеческие так или иначе встроены в общий план мироустройства и допускаются в мир «предустановленной гармонией». Зло/уродства в мире связаны с непроясненным состоянием некоторых монад, которые – суть зеркала, и чем сильнее муть, непроясненность этих зеркал, тем сильнее искривление сущности того, что они собой являют. Обращаем внимание на то, что зеркало – технический предмет, смысл которого – формировать копию; качество копии может быть любым.

Появление технических игрушек на потеху публике явилось следствием сразу нескольких взаимосвязанных факторов: во-первых, умозрительная модель живого существа как особого автомата провоцировала талантливых мастеров создавать копию/аналог реального живого существа; во-вторых, развитие рыночных отношений позволяло организовывать шоу, «продавать впечатления» от демонстрации удивительных игрушек; в-третьих, и мы уже об этом писали [Погорельская 2025], через развитие механизации/технизации мира происходит процесс истончения барьера между живым и неживым, возникают разнообразные идеи воплощения живого в обход естественного рождения. В 1738 году, во Франции, часовой мастер Жак де Вокансон забавляет народ механической уткой. Утка может хлопать крыльями, кричать, двигаться, есть зерно и, как ни странно, испражняться... Вокансон говорил, что внутри утки находится химическая лаборатория, которая переваривает зерно, хотя, конечно, это было мистификацией и утка «совершала туалет» за счет вложенных заранее капсул. В том же году де Вокансон продемонстрировал публике автоматического флейтиста, который играл на флейте, зажимая пальцами дырочки на инструменте и дующая в него. Вопрос, который ремесленники пытались разрешить на свой лад, был таким: насколько материя пластична в своем существе и насколько от ее устройства зависит общее качество/сущность предмета?

Логическим продолжением идей Декарта и Лейбница является труд Жюльена Офре де Ламетри «Человек-машина», где уже все способности человека, как общие с животным и растительным царствами, так и сугубо принадлежащие виду *homo sapiens*, рассматриваются как продолжение действия его телесной организации. «Человеческое тело – это заводящая сама себя машина, живое олицетворение непрерывного движения», – пишет Ламетри [Ламетри 1976, с. 199]; от организации этой машины, слаженности действия органов/элементов, места, где эта машина живет (климат), пищи, настроения, здоровья зависит во многом то, каким будет человек. Если организация тела является первым фактором, определяющим место живого существа в общей иерархии природы, то вторым, тоже механическим, фактором является воспитание: «Человека дрессировали, как дрессируют животных; писателем становятся так же, как носильщиком. Геометр научился выполнять самые трудные чертежи и вычисления, подобно тому как обезьяна научается снимать и надевать шапку или садиться верхом на послушную собаку» [Там же, с. 207], – бесспорно, эти рассуждения обращают наше внимание на механический характер навыка, на репетиционный этап в развитии способностей человека. Мастерство (*techne*) предворяет творчество и, согласно Ламетри, обуславливает его: «...воображение, упражнением поднятое до прекрасного и редкого свойства гениальности, сразу схватывает все взаимоотношения воспринимаемых им идей» [Там же, с. 212], что позволяет говорить *об общей технической логике бытия*, включая прецеденты появления принципиально нового. Воображение упражняют, как тренируют мышцы. Трактат Ламетри выходит в 1747 году, а через 62 года еще один французский мыслитель, Жан Батист Ламарк, публикует свой труд «Философия зоологии» (1809), в котором утверждает, что упражнение органа (*techne* – сформированный навык) является основой появления новых видов животных: техническое действие начнет рассматриваться как фактор «прогрессивного совершенствования» живой материи в целом, упражнение (*techne*) свяжут с вопросами видообразования. Техническая модель *воспитания растений* проявит себя в лысенковщине, что в основном будет соответствовать идеологическим концептам советской эпохи. В целом концепция воспитания (дрессировки) живого является частным случаем *общей революционной концепции преобразования мира*.

От автомата – к организму

Начиная с работ И. Канта можно говорить о появлении организменного подхода в философии, что впоследствии отразится в «круговых» методологиях, таких как диалектика и герменевтика (см.: [Шавиро 2018, с. 107]). Для технического познания организменный подход принципиален, поскольку именно он положен в основание теории систем и кибернетики.

И. Кант в работе «Критика способности суждения», развивая концепцию живого автомата, напишет: «Органическое тело есть не только механизм, обладающий лишь *движущей* силой, оно обладает и *формирующей* силой, и притом такой, какую оно сообщает материи, не имеющей ее (организует ее), следовательно, обладает распространяющейся формирующей силой, которую нельзя объяснить одной лишь способностью движения (механизмом)» [Кант 1995, с. 297]. Очевидно, что организм и организация – понятия однокоренные. Органическое тело – это прежде всего тело организованное, скажем более – самоорганизованное, стремящееся самовоспроизводиться даже при изменениях окружающей среды, способное относиться к себе как цели. Кант приводит в пример дерево, которое порождает себя в трех смыслах: во-первых, дерево порождает себя как вид, то есть воспроизводит свою породу; во-вторых, дерево ежедневно порождает себя как отдельное существо, воспроизводит свою индивидуальность; в-третьих, дерево воспроизводит себя так, что «каждая часть этого растения порождает себя так, что от сохранения одной зависит сохранение другой. Глазок, привитый к ветви другого дерева, производит на чужеродном стебле растение своей собственной породы» [Там же, с. 295]. А при отсутствии или лишении какой-либо своей части организм стре-

мится компенсировать эту потерю или уродство, т. е. помочь себе. Из этого следует, что «органический продукт природы – это такой, в котором всё есть цель и в то же время средство. Ничто не бывает напрасно, бесцельно, и ничего нельзя приписать слепому механизму природы» [Кант 1995, с. 299]. Кант в определении причин возникновения вещи и ее существования следует Аристотелю, используя категории действующей причины и причины целевой, однако в данные категории причин Кант вносит дополнительный, уточняющий смысл. Действующая причина нисходящая, предполагающая поиск оснований вещей в предыдущих вещах или условиях. В отношении органической вещи – это апелляция к существованию законов природы, или, как говорит Кант, к механике природы, к ее автоматизмам. То есть природа как целое устроена таким образом, что ее механика предполагает/позволяет органической вещи случиться/возникнуть, однако, как говорит Кант, действующие причины в отношении живых предметов не являются достаточными. В понимании появления органических вещей необходимо еще учитывать причины целевые, или причины, существование которых полагается разумом, а не рассудком. Рассудок в силу своей способности суждения всегда исходит из обязательности действующих причин, или причин реальных. Однако, рассматривая *только законы природы*, невозможно прийти к необходимости существования органических вещей. Кант рассуждает следующим образом: «Если кто-нибудь в необитаемой, как ему кажется, стране увидит нарисованную на песке геометрическую фигуру, например правильный шестиугольник... он согласно разуму не будет считать основанием возможности такой фигуры ни песок, ни соседнее море, ни ветер, ни животных с их следами, ему известными, ни другую лишенную разума причину, так как случайность встречи с таким понятием, которое возможно только в разуме, показалась бы ему столь бесконечно большой, что это было бы равносильно тому, как если бы для этого не было никакого закона природы, следовательно, не было бы и причины в чисто механически действующей природе» [Там же, с. 294]. Разумно предположить, что автором живых существ является Бог. Любая органическая вещь целостна, в ней не бывает лишнего или напрасного, Кант указывает на это свойство живых существ как на свершившийся факт: «Для тела, о котором самом по себе и его внутренней возможности следует судить как о цели природы, требуется, чтобы все части его и по своей форме, и по связи порождали друг друга и таким именно образом создавали бы из собственной каузальности целое, понятие о котором в свою очередь (в порождении, которое бы обладало каузальностью согласно понятиям в соответствии с таким продуктом) могло бы быть причиной его согласно некоторому принципу; следовательно, требуется, чтобы связь действующих причин можно было в то же время рассматривать как действие через конечные причины» [Там же, с. 296–297]. Органическая вещь устроена таким образом, что ее целевая причина (идеальная причина [Там же, с. 296]) обуславливает/запускает причину действующую. Так создается продукт, который сам себя организует. Это и называется *организм*. Рефлексирующая способность суждения исходит из признания божественного вмешательства в творение живых существ, поскольку уровень целесообразности в организмах настолько высок, что иначе не понять – откуда возникло это великое разнообразие совершенных живых существ? Кант показывает на примере работы часов отличие механизма, как такового, от организма. Выбор часов не случаен: часы – идеальная модель целесообразности для XVII–XVIII вв., которая сознательно сделана мастером. Однако целесообразность часов не полная, поскольку, хотя часы обладают качеством целостности и всякий элемент часов влияет на другой элемент и зависит от целого как такового, тем не менее часовые элементы не порождают друг друга, часы не создают других часов, часы сами не ремонтируют себя и не заменяют своих деталей, а любой организм отличается как раз тем, что способен/нацелен создать себе подобного и «самопочиняться»/выздоровливать. Живой организм воспроизводит себя как цель, являясь целью самого себя, включает цикл природных законов (действующих причин).

Хайдеггер впоследствии скажет, что животное загнано в кольцо инстинктов. В работе «Основные понятия метафизики» он характеризует бытие животного как «бытие в трубе»: «Животное не только имеет определенное отношение к тому кругу, в котором находит пищу, врагов, половых партнеров, но на протяжении всей своей жизни находится в определенной среде, будь то вода, воздух или то и другое вместе, причем находится так, что принадлежащая ему среда остается для него незаметной, но выпадение из нее тотчас вызывает стремление к возврату... Потому, исходя из этой связи, говорят: у животного есть свое мироокружение, в котором оно вращается. На протяжении всей своей жизни животное находится в своем мироокружении как в трубе, которая не расширяется, не сужается и не запирается» [Хайдеггер 2013, с. 306].

В этой системе целесообразности природы человек является высшей целью и ценностью, поскольку это подлинно свободное существо. «Его [человека] существование имеет в себе самом высшую цель, которой, насколько это в его силах, он может подчинить всю природу, или по меньшей мере он не должен считать себя подчиненным какому бы то ни было влиянию природы, противодействующему этой цели», – считает Кант [Кант 1995, с. 350], а полностью разобраться в целесообразности природы человек сможет только в том случае, если научится сам создавать искусственную жизнь. Однако Кант не верил в возможность искусственного создания организмов, поскольку «организация как внутренняя цель природы бесконечно выше всякой способности сходного изображения с помощью искусства» [Там же, с. 306]. Мы полагаем, что Кант в этих рассуждениях имеет в виду техническое мастерство. Тем не менее рассмотрение естественных вещей как машин определило *общее направление* научно-технической мысли для науки и инженерного дела.

Идея создания технических существ, аналогичных природным, но произведенных гением человека, имеет исторические корни в античном *techné*. Однако если античные мастера подражали природе, ориентируясь прежде всего на метафизическую идею живой красоты, объединяющую мир естественных и искусственных форм (см.: [Погорельская 2023]), то инженеры и технические художники XVII–XIX вв. видели в природе совершенную техническую модель, построенную по определенным принципам, которые целесообразно знать. В нововременных представлениях утвердилась позиция, что кроме живительной красоты человеческой цивилизации требуется решение корпуса исключительно прагматических вопросов, причем «техническое творчество начинает зависеть от научных идей», – пишет Н. В. Бряник [Бряник 2021, с. 73]. Наука и технологии вступают в творческий альянс, а красота все больше теряет свои позиции в вопросах истины. В метафизике истины начинает доминировать прагматический аспект.

Появление идеи автоматически организованной природы формирует определенный образ времени. Время имеет отношение не к сущности вещи, а к ее существованию. «Длительность есть неопределенная непрерывность существования», – считает Б. Спиноза [Спиноза 2023, с. 624]. Время в живых автоматах воспроизводится согласно их общему онтологическому устройству – автоматически, оно воспроизводит цикл и поддерживается общей логикой мироустройства. В техническом сознании возникает идея «управления временем». Подключение через живые автоматы к глобальной целесообразности природы позволяет найти доступ к практически неограниченным резервам, или, как пишет Юк Хуэй, «техника и природа более не представляются совершенно разными терминами, поскольку понимание природы уже выявляет техническую форму, то есть это уже не невинная и наивная первая природа, а природа кибернетическая» [Хуэй 2020, с. 216]. Автоматическое время – время эффективное, время дохода, а поскольку время относится к существованию, то время – самый важный ресурс. Найти момент во времени, который позволяет наиболее оптимально приложить усилие или вложить деньги, – сакральное дело автоматического бытия и технического сознания, с ним связанного. Непредсказуемость технологических кризисов, алгоритмические сбои систем воспринимаются инженерами как личная неудача. В техническом сознании есть

внутренняя убежденность, что человеческий разум все может «посчитать», «сечь раз отмерить и тогда отрезать»: отмерить время и отрезать во времени для получения оптимального результата. Интересно, что алгоритмическое мироощущение распространяется и на экзистенциальные ситуации, когда личностный выбор делается исключительно с позиции целесообразности.

Из технического понимания организма вырастают *кибернетический и биотехнологический проекты*. В *кибернетическом* проекте живое существо и неживая машина связаны с внешним миром и между собой по принципу прямых и обратных связей. Н. Винер пишет по этому поводу: «Я утверждаю, что физическое функционирование живых индивидуумов и работа некоторых из новейших информационных машин совершенно параллельны друг другу в своих аналогичных попытках управлять энтропией по принципу прямых и обратных связей» [Винер 2003, с. 28]. Новейшие машины схожи в функционировании с жизнью органических систем и являются местом негэнтропийных процессов. Кибернетический проект по своей сути представляет собой глобальную стратегию противостояния энтропии на основе проявления человеческого воления. Кибернетический замысел находит свое развитие в теории диссипативных систем И. Пригожина, а также в разнообразных концепциях, направленных на создание управляемых и развивающихся социотехнических комплексов. Примерами таких концепций может служить акторно-сетевая теория Бруно Латура [Латур 2013] или «Новая теория всего» Грэма Хармана [Харман 2024], а также многочисленные научные работы по менеджменту.

В *биотехнологическом* проекте реализуется идея создания новых природ с заданными свойствами. Современные биотехнологии представлены двумя вариантами – традиционной практикой селекции и новаторским подходом синтетической биологии. Селекция – метод выведения новых сортов растений и новых пород животных, который представляет собой управляемый эволюционный процесс, в котором происходит рациональная гибридизация разных сортов/пород одного вида; скрещиванию подвергаются те особи одного вида, в генотипах которых присутствуют полезные с селекционной точки зрения признаки. Селекция эффективна, если есть генетическое разнообразие внутри вида. Иногда в селекции применяют экспериментальный мутагенез (химические вещества, радиацию) для получения генетического разнообразия внутри вида, однако большинство полученных организмом мутаций являются вредными, ведущими к деградации вида: крайне сложно получить положительные с селекционной точки зрения мутации. Также селекционной формой работы является отдаленная гибридизация, при которой скрещиванию подлежат культурные организмы и дички. Проблема в том, что межвидовые барьеры достаточно устойчивы и гибридизация не всегда возможна, кроме того, вместе с приобретенными положительными свойствами (например, морозоустойчивостью, урожайностью, резистентностью к болезням), гибрид приобретает и нежелательные. Однако характерным признаком современной науки и технологий является стремление преодолеть любые природные барьеры. Ярчайшим примером такой практики является геновая инженерия, когда биотехники преобразуют живые системы, используя принципы самоорганизации самой природы. Это напоминает управление судном при помощи косога паруса при встречном ветре – сила и сопротивление природы используется в интересах человека.

В биотехнологическом проекте смыкается внутренняя ценность устранения любых ограничений с кибернетической идеей управления природой.

Заключение

Автоматы, которые создавали механики XVII–XIX вв., были закрытыми, в своем функционировании они «воскрешали» раз за разом один и тот же цикл действий. Однако общее представление о том, что природа в своей основе является хорошо слаженной машиной, а человек, как и Бог, является мастером, позволило проводить дальнейшие исследования и пробовать новые технологические методы построения живых приро-

доподобных машин. Организмы своими многочисленными примерами давали образцы для подражания, сложность заключалась лишь в том, чтобы распознать принципы их функционирования. Природа в целом рассматривалась как стабильная система, свидетельством этого факта являлась незыблемость природных законов, что выразил в XX веке Альберт Эйнштейн фразой «Господь Бог изощрен, но не злонамерен», т. е. не обманывает: установленные законы природы изменены не будут. Знание природных закономерностей дает доступ к общим принципам конструирования материальных систем любого уровня, в том числе живых технических систем.

Живые машины, кроме включения в системы целесообразности природы, наследуют вместе с жизнью – смертность, а следовательно, в решении вопроса о возможности «живой техники» нам не обойтись без рассмотрения символических аспектов бытия, которые выводят за границы рационально организованных рассуждений.

Список источников

- Брянник Н. В. От классики к постнеклассике: этапы развития науки современного типа (философский анализ классической, неклассической и постнеклассической науки). М. : Академический проект, 2021. 373 с.
- Винер Н. Творец и Будущее / пер. с англ. Е. Г. Панфилова. М. : АСТ, 2003. 732 с.
- Вуттон Д. Изобретение науки: новая история научной революции / пер. с англ. Ю. Гольдберга. М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2018. 676 с.
- Декарт Р. Избранные произведения = *Oeuvres choisies* / Р. Декарт ; общ. ред. и вступ. ст. В. В. Соколова ; Академия наук СССР, Институт философии. Б. м. : Гос. изд-во полит. литературы, 1950. 709 с. : ил. Текст : электронный. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=427315> (дата обращения: 03.06.2025). Режим доступа: по подписке.
- Кант И. Критика способности суждения / авт. предисл. Ю. В. Перова. СПб. : Наука, 1995. 512 с.
- Ламетри Ж. О. Сочинения / общ. ред., предисл. и примеч. В. М. Богуславского. М. : Мысль, 1976. 551 с. (Филос. наследие. Т. 71).
- Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К. Федоровой. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
- Лейбниц Г.-В. Сочинения : в 4 т. Т. 1 / ред. и сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. В. Соколов ; перевод Я. М. Боровского и др. М. : Мысль, 1982. 636 с. (Филос. наследие. Т. 84).
- Погорельская Е. Ю. Онтологические аспекты техники // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 13–22. DOI 10.17223/1998863X/84/2. EDN ZQUSVH.
- Погорельская Е. Ю. Учение о *techne* в рассуждениях Платона // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 3 (42). С. 134–141. DOI 10.35853/vestnik.gu.2023.3(42).12. EDN ACHNQJ.
- Спиноза Б. Этика. О Боге, человеке и его счастье : пер. с лат., нидерл. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2023. 832 с.
- Хайдеггер М. Основные понятия метафизики : мир – конечность – одиночество / пер. с нем. В. В. Биbihина, А. В. Ахутина, А. П. Шурбелева. СПб. : Владимир Даль, 2013. 592 с.
- Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / пер. с англ. М. Фетисова. 2-е изд. М. : Ад Маргинем Пресс, 2024. 256 с.
- Хуэй Ю. Рекурсивность и контингентность / пер. с англ. Д. Кралечкина. М. : V-A-C Press, 2020. 400 с.
- Шавиро С. Вне критериев: Кант, Уайтхед, Делёз и эстетика / пер. с англ. О. С. Мышкина. Пермь : Гиле Пресс, 2018. 210 с.

Информация об авторе

Елена Юрьевна Погорельская, канд. филос. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма, АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Elena Yu. Pogorelskaia, Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof. at Tourism and Hospitality Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 22.09.2025.

Одобрена после рецензирования | Revised 30.09.2025.

Принята к публикации | Accepted 30.09.2025.